

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

ЗАКОН И ЭКСПЕРИМЕНТ В ПСИХОЛОГИИ*

© 2001 г. Курт Левин

Для российской психологии Курт Левин – не просто одна из самых значительных фигур в истории мировой психологии, автор теории личности и ряда других теорий. Он органично связан с историей науки в нашей стране и отношение к нему окрашено особой пристрастностью, особым личностным смыслом. Сыграли роль контакты и общение Левина с Л.С. Выготским и вклад, внесенный его учениками, переехавшими в СССР в 30-е годы. Наиболее известна из них – легендарная Б.В. Зейгарник... Да и прямое теоретическое влияние ранних работ Левина на теорию деятельности А.Н. Леонтьева становится со временем все заметнее.

Но – парадоксальным образом – Левин для нас – знакомый незнакомец. Ощущая его своим, близким по духу, мы почти не знаем его прямую речь, довольствуясь изложением Б.В. Зейгарник и других авторов. Лишь в прошлом году появились первые издания книги Левина на русском языке – поздних книг “американского периода”. Работам же “берлинского периода” отдает должное увесистый том избранных работ Левина и его учеников, подготовленный к печати в издательстве “Смысл”. Из этого тома взят и публикуемый здесь текст.

Это одна из наиболее известных методологических работ Левина “берлинского периода”, посвященная понятию закона в психологии. Сегодня она звучит особенно актуально в связи со всеобщим стремлением заменить логическое мышление статистической обработкой. Она про то, каким должно быть компетентное психологическое исследование и психологическая наука в целом. Давайте читать Левина и работать если не по гамбургскому счету, то хотя бы по берлинскому.

Д.А. Леонтьев

I

Коперниканский переворот, произошедший, когда Кант от вопроса “возможно ли познание?” перешел к вопросу “как возможно познание?”, является одним из этапов развития теории познания от спекулятивной науки к наблюдательной, т.е. такой, которая исходит не из нескольких заранее заданных понятий, а основана на исследовании имеющихся в наличии конкретных фактов. Этот путь от умозрительных рассуждений к изучению конкретных объектов исследования – т.е., применительно к теории познания, к изучению *отдельных* наук, – долг и труден, и к настоящему времени пройдена лишь малая его часть. Несмотря на то, что такие познания достаточно давно обратились к исследованию физики и математики, а в последнее время были начаты еще и конкретные исследования биологии и гуманитарных наук, нет никаких сомнений, что мы находимся еще в самом начале пути. Главная задача теории познания в исследовании той или иной науки связана с прослеживанием хода ее *развития*. Причем особо ценные прозрения для теории познания обещает дать исследование кризисных поворотов в развитии науки. С этой точки зрения психология представляет в настоящее время особый интерес для теории познания.

Науки не являются неизменными застывшими образованиями, напротив, они развиваются, и это, в частности, заметно, если рассматривать их не как

культурно-исторические явления (по Шпенглеру), а с точки зрения логики, теории познания и теории науки – как совокупности утверждений, теорий, исследований и доказательств. Пути развития различных наук с научеведческой точки зрения не одинаковы, однако, по крайней мере на ряде этапов, они обнаруживают далеко идущее сходство. Одной из наиболее ярких особенностей *начального* периода развития конкретной науки является следующий факт. Можно было бы предположить, что наука, особенно так называемая эмпирическая наука, развивается таким образом: сначала собираются и накапливаются отдельные факты, к ним добавляются все новые и новые до тех пор, пока круг этих фактов не расширяется настолько, что возникнет потребность упорядочить и свести воедино всю совокупность этих отдельных знаний путем создания теории. Однако реальный путь развития науки противоречит этому предположению. У истоков практически любой науки стоит система умозрительных представлений, стремящаяся полностью охватить и объяснить всю область исследований соответствующей науки, исходя из одного или нескольких “*базовых понятий*”.

Это относится как к физике, так и к эстетике, как к экономике и теории познания, так и к психологии. Лишь очень постепенно удается перейти от умозрительного, в значительной степени *абстрактного* образования понятий к научному изучению всего многообразия реальных *конкретных объектов исследования*. Похоже, что психология в настоящее время как раз собирается

* Данная работа была впервые опубликована в 1927 г. в журнале *Symposion*, Bd. 1, S. 375–421.

взойти на следующую ступень этого пути. Ниже мы собираемся рассмотреть возникший при этом кризис ее основных понятий и теоретико-познавательные проблемы, вытекающие из конкретного исследования психологической науки.

Я ограничусь рассмотрением лишь *экспериментальной психологии*. И из всего многообразия вопросов, на которых можно было бы здесь остановиться, я хочу выбрать лишь один: как обстоит дело с доказательной силой того средства, благодаря которому экспериментальная психология получила свое название – с *доказательной силой эксперимента, и как он соотносится с законом?* Этот заново поставленный вопрос о смысле и ценности эксперимента в психологии должен явиться для большинства исследователей тем более оправданным, что экспериментальная психология, как это должны признать все без исключения психологи, до сих пор не сумела создать достаточно мощных средств для исследования так называемой высшей душевной жизни, кроме, быть может, интеллектуальных процессов.

Но прежде всего рассмотрим, какова была теоретико-познавательная ситуация в психологии в предшествующую эпоху – в ту эпоху, когда возникли многие из проблем, и сегодня сохраняющих свою остроту?

II

По отношению к объектам исследования психологии, так же, как и по отношению к объектам других наук, можно задать два типа вопросов. Во-первых, можно спросить о *феноменальных свойствах* психических образований и процессов, например: какие виды чувств можно выделить, какими свойствами обладает переживание волевого усилия? Во-вторых, можно задать вопрос “почему?”, т.е. вопрос о причинах и следствиях, короче – о *кондиционально-генетических взаимосвязях*. Например, можно спросить: при каких условиях возникает намерение, и к каким конкретным психическим последствиям оно приводит? Установление феноменальных свойств объекта принято называть “*описанием*”, установление причинных отношений – “*объяснением*”.

В экспериментальной психологии осознание того, что вначале следует изучить феноменальные свойства объекта исследования, в определенной степени было достигнуто уже в предшествующий период. В частности, последняя четверть века дала нам весьма конкретные феноменальные описания течения переживаний. Хотя задача такого описания, разумеется, еще далеко не доведена до конца, сегодняшняя психология, стремясь двигаться дальше и отчасти в качестве обратной реакции, снова обратила свой интерес главным образом к проблемам *объяснения*. Вместе с во-

просом о реальных причинных взаимосвязях психических явлений в фокусе внимания снова оказались понятия причины и следствия, действующей причины и конечной причины, силы и энергии, эксперимента и доказательства, закона и случайности. Ими мы и займемся ниже.

Наиболее общая теоретико-познавательная предпосылка исследования законов какой-либо предметной области состоит, несомненно, в том, что события в этой области происходят *закономерно*, а не хаотично или случайно, что законы существуют, т.е. можно формулировать такие положения о происходящих изменениях, их причинах и следствиях, которые будут справедливы *без исключений*, т.е. *всегда и везде*. В психологии этот вопрос уже давно вызывает ожесточенные споры. В случае так называемых “низших” душевных процессов, непосредственно связанных с телом (типа чувственного восприятия), законосообразность признается, однако “высшие” душевые процессы – воли и понимания – из этой сферы законосообразности исключаются. Защитников таких взглядов можно встретить и сегодня.

Но и там, где тезис о строгой и не допускающей исключений закономерности психической жизни в принципе “*философски*” принимается, для *фактического* построения понятий в психологии он значит пока довольно мало. Ибо тип образования понятий в той или иной науке определяется в решающей степени не тем, каких мнений придерживается исследователь, так сказать, приватно, в качестве философа, но тем, какие тезисы имплицитно заложены в фактически применяемых методах исследовательской работы. Для получающихся в итоге научных понятий тип научной практики исследователя важнее, чем тип его философской идеологии. А в научной практике вера в строгую и не допускающую исключений закономерность конкурентных психических процессов является достаточно шаткой и проблематичной.

И это относится не только к психологии “великих личностей”, но и, в не меньшей степени, к психологии самых обычных *повседневных* процессов. В основе одного и того же действия, например, участия в том или ином собрании, у разных участников лежит едва ли обозримое множество весьма различных процессов; а если взять для примера какого-нибудь одного человека, то его решение пойти на собрание или остаться дома опять-таки будет, по всей вероятности, зависеть от тончайших нюансов его общего состояния.

Как перед лицом таких фактов сохранить надежду перейти от общей абстрактной веры в то, что в конечном счете *все* происходит закономерно, к реальному *познанию* однозначных и не допускающих исключений строгих законов такого рода процессов? Если отвлечься от психологии ощущений (где, впрочем, лишь на поверхностный

взгляд факты представляются более строго связанными между собой), то вся так называемая высшая душевная жизнь – т.е. процессы воли, аффектов и чувств – обнаруживает, как это постоянно подчеркивается, столь текучую и неуловимую структуру, что любое однозначное ее предсказание представляется невозможным.

На деле реальные экспериментально-психологические исследования только что закончившейся эпохи ни в коей мере не основывались на тезисе о строгой и не допускающей исключений закономерности, по своим фактическим методам они вплоть до сегодняшнего дня строятся под знаком “полузакономерности” или простой регулярности.

В частности, считается, что утверждения, которые выдвигаются, например, по отношению к памяти или мышлению, должны иметь силу лишь для нормальных людей, но не для душевнобольных или идиотов, психические процессы которых подчиняются другим законам. И даже для нормального человека они теряют силу, например, когда у него болит голова¹. Таким образом, утверждения о ходе психических процессов не имеют характера общезначимых и не допускающих исключений законов. Отдельные исключения не принимаются особенно всерьез. Ибо “исключения лишь подтверждают правило”. Научный же закон в точном смысле слова считается опровергнутым даже при единичном исключении.

При этом методы исследования фактически являлись точным отражением этой установки на “полузакономерность”. Исследователи использовали эксперимент, т.е. наблюдали явления и процессы не в случайных условиях, но управляли самими этими условиями в качестве экспериментаторов. В этом их метод соответствовал, как мы увидим ниже, основному требованию закономерности. Однако проведение экспериментов и анализ их результатов были в огромной степени подчинены духу статистики, основывающемуся на частоте повторения *одного и того же* опыта и вычислении средних значений. При такого рода статистическом подходе отдельные и даже многочисленные исключения играют весьма незначительную роль. Можно утверждать, что практически все законы ассоциаций были установлены именно таким образом. Устанавливается не закономерность, а, в зависимости от величины так называемого разброса результатов, большая или меньшая “вероятность”². Даже течения, подобные американскому бихевиоризму, который, опираясь на физиологические термины, любит придавать тезису о закономерности психических процессов особенно громкое звучание, на практике в

основном занимаются такого же рода вычислениями средних значений.

Таким образом, *методы обоснования (доказательства)* определяются идеей приведения возможно большего количества данных. В качестве главного требования, предъявляемого к эксперименту, выступает его повторяемость (Вундт). При этом обращаются прежде всего к областям, в которых можно рассчитывать на определенную регулярность и повторяемость, например, к сфере памяти, а области, в которых на это трудно рассчитывать – например, проблемы аффектов – оставляют далеко в стороне. В качестве наиболее сложной и высшей задачи с этой позиции видится (подобно тому, как это было в ранние эпохи развития науки) объяснение редкостей, раритетов, т.е. того, что не повторяется, например, в психологии – объяснение душевной жизни “великих личностей” и крайних аномалий.

Помимо всего прочего, различие между правилом и законом состоит в неточности правила. Поэтому считалось, что необходимо повысить “точность” исследования. Возникло стремление к точности, которое подчас стало затмевать все остальное.

III

В настоящее время экспериментальная психология стремится обратиться к более строгому понятию закономерности и всерьез пытается перейти от безответственной абстрактно-философской веры в закономерность психического к трудной – может даже показаться безнадежной, – задаче воплощения этой веры на неподатливом материале отдельных конкретных психических фактов. Это, естественно, теснейшим образом связано с содержательным развитием психологических знаний и проблем в последнее время. К сожалению, я могу здесь остановиться на этом лишь очень коротко.

В частности, учение Фрейда и те течения, для которых оно явилось исходным пунктом, несмотря на свою односторонность во многих отношениях, отчетливо показали, насколько сильно душевная жизнь нормального и душевнобольного человека базируется, в конечном счете, на процессах одного и того же типа. Результаты исследований интеллектуальных процессов, полученные в рамках различных экспериментальных направлений³, показывают, что эксперимент может приводить к весьма существенным открытиям и в области высшей душевной жизни. Появились и первые экспериментальные исследования в области психологии воли⁴.

¹ Сравните Müller, 1913, 425 f.

² Сравните, например, определение силы ассоциации у Müller (op. cit.)

³ Сравните исследования Бюлера, Грюнбаума, Йенша, Келера, Коффки, Зельца, Вертгаймера.

⁴ См. обзор Lindworsky, 1923.

При обсуждении проблемы закономерности психического нам следует прежде всего обратиться к той совокупности представлений, которая начала пробивать себе дорогу во всей немецкой психологии и далеко за ее пределами, и которая нашла свое наиболее точное выражение в “гештальттеории”.⁵

Впрочем, на первый взгляд может показаться, что это течение мысли делает практически безнадежным переход от веры в универсальную закономерность психического к установлению познаваемых и могущих быть доказанными законов.

Психологию предшествующей эпохи часто называют “психологией элементов”. Тем самым подразумевается, что в эту эпоху ставились в основном вопросы “микроскопического” характера, спрашивающие прежде всего о том, из каких простейших элементов состоит душевная жизнь, например: “Какие элементарные переживания входят в состав полного переживания воли; из каких видов элементарных чувств состоит страх?” Все сложные психические процессы по существу рассматривались как сочетания такого рода элементов.

В противоположность этому постепенно начало пробиваться осознание того, что целое может быть удовлетворительно объяснено исходя из его составных частей лишь в некоторых определенных случаях, – а именно, лишь в тех случаях, которые Вертаймер называет “аддитивной суммой (*Undsumme*)”. Однако в большинстве случаев мы имеем дело с целостными образованиями совершенно другого типа – с *истинными целостностями*, которые являются чем-то большим, точнее, чем-то иным, чем сумма их частей. Понимание этого в экспериментальной психологии уже давно миновало стадию абстрактной общей гипотезы. Многочисленные новые плодотворные эксперименты в весьма различных областях психологии снова и снова показывают, что там, где мы имеем дело с такого рода целостностями, объяснить целое, исходя из его составных частей, не удается. Скорее наоборот: лишь исходя из целого можно установить функцию его частей, ибо только на основании целого можно определить, какие части вообще следует считать *существующими* психически. Внешние движения, результаты действий, способы поведения и даже определенные переживания, которые, если их рассматривать в качестве изолированных явлений, представляются почти идентичными, выступая в качестве частей разного рода целостных процессов (т.е. будучи *включенными* в различные *динамические целостности*) могут психологически означать совершенно разное.⁶ Такого рода факты, которые при-

изолированном их рассмотрении представляются “одинаковыми”, могут определяться совершенно различными законами; причем это было показано не только в области психологии восприятия на примере гештальтов формы, но обнаруживается, возможно, еще более ярко в сфере так называемой высшей душевной жизни.

Приведем лишь несколько самых обыденных примеров. Например, человек ударяет молотком по чему-то твердому. Такого рода действие может иметь психологически очень разное значение. Оно может быть частью процесса забивания гвоздя, может быть ударом молотка о стол на аукционе, фиксирующим предложенную цену, а может быть исключительно выражением гнева. И хотя с точки зрения осуществления действия во всех этих случаях может иметься большое сходство в движении руки и сокращении мышц, однако законы, определяющие само действие и его психологические последствия, будут совершенно различны. И если даже это действие, как и любое другое, состоит в конечном счете из мышечных сокращений, то законы этих действий не могут быть выведены из тех законов, которые определяют изолированное сокращение мышц само по себе.

Другой пример: восприятие определенной работы, например, той или иной профессиональной деятельности, в качестве приятной или неприятной ни в коем случае не определяется лишь приятностью данной работы самой по себе, но зависит от более общих волевых целей человека и изменяется вместе с ними.⁷ Нарушит ли то или иное постороннее воздействие нашу работу, или нет, зависит главным образом не от физической интенсивности воздействия, но прежде всего от того, принадлежит ли оно тому же самому *полю действий*, что и данная работа, или другому. Учится ли человек чему-то при выполнении упражнения, может ли он не поддаваться тому или иному соблазну и т.д. – все это решающим образом зависит от целостного процесса, в который это событие включено. В проблемах выражения чувств, намерения, удовлетворения и замещающего удовлетворения, аффекта, нормального и патологического характера, короче говоря, во всех проблемах высшей душевной жизни нельзя сделать ни одного экспериментального шага вперед, если не придавать решающего значения этой зависимости отдельного события от включающего его в себя того или иного целостного процесса.

Как же соотносятся эти базовые идеи с вопросом о *закономерности* и, прежде всего, с вопросом о *познаваемости* законов психики? Тот или иной конкретный процесс должен протекать по-разному и даже быть разным в зависимости от той целостности, в которую он включен. Не следует ли отсюда, что надо окончательно оставить всякую надежду на установление психологических законов? Как, например, можно надеяться вызвать достаточно большо количество одинаковых аффективных процессов, чтобы на основе статистики вывести точное правило, если какой-либо конкретный аффективный процесс непосредственно зависит от целостного душевного состояния соответствующего испытуемого, а значит и от его характера, который у каждого испытуемого свой, отличный от других? И даже повторение одного и того же опыта с одним и тем же испытуемым представляется довольно бесмысленным. Ибо уже первый опыт по изучению

⁵ См. обзорную работу *Köhler*, 1925, с. 519 и следующие.

⁶ Lewin K. Vorsatz, Wille und Bedürfnis. Berlin, 1926.

⁷ Lau, 1924.

аффектов изменит самого испытуемого, как бы создаст ему другую историю, и те же самые условия, которые в первом опыте привели к определенной аффективной реакции, во втором вызовут совершенно другие процессы. Эти и аналогичные им возражения против возможности экспериментального исследования, например, аффектов, с появлением идей гештальттеории стали казаться еще более существенными.

В этой ситуации необходимо заново обратиться к анализу *сущности закона*. Надо вспомнить об идеях, которые ни в коей мере не являются новыми для философии, хотя как раз в недавнее время и казалось, в частности, в физике, что от них можно отказаться. Впрочем, одновременно здесь будут представлены и новые идеи, немало важные для теории познания.

IV

Когда “закон” понимается в качестве “правила”, для подтверждения которого следует набрать возможно большее число одинаковых случаев, то в основе этого лежит старая и ошибочная теория индукции. Она заключается в том, что всеобщность и необходимость, приписываемые закону, основываются на пике умозаключения “от многих случаев ко всем случаям”. Закон выводится здесь на основе формулы: “Я часто встречаю здесь *a*, имеется *b*. Я делаю вывод: всегда, когда имеется *a*, имеется *b*”. Чем больше число рассматриваемых случаев и чем меньше так называемый разброс данных, тем больше будет вероятность (соответственно, первого и второго порядка) того, что и ожидаемые в будущем события будут соответствовать этому правилу. И “закономерность” оказывается ни чем иным, как правилом с относительно высокой вероятностью первого и второго порядков.⁸

В рамках данной работы я не имею возможности детально доказывать, что с точки зрения теории познания такой подход неосуществим. Поэтому я ограничусь ссылкой на рассуждения Э. Кассирера.⁹ В эксперименте речь идет не о воспроизведении возможно большего числа одинаковых случаев, но о систематическом варьировании условий – т.е. об анализе условий путем осуществления совокупности различных случаев. Всеобщность закона опирается не на накопление большого опыта одинаковых событий, но предполагает реальный научный процесс доказательства его в качестве “закона природы”, если придерживаться терминологии Канта (ср. ниже). Повторение же происходит при экспериментировании не потому, что под сомнение ставится перенос ре-

зультатов с отдельного исследованного события на другие *такие же* события, но потому, что можно ошибиться в том, действительно ли условия, которые заданы в формулировке закона, налицо в данном конкретном случае, или же нет. Я не хочу здесь еще раз доказывать, что в физическом эксперименте фактически делается не вывод “от многих случаев ко всем случаям”, а вывод “от конкретного случая ко всем случаям такого же рода”. Хочу лишь добавить несколько слов о том, почему такое умозаключение возможно, чтобы затем перейти к конкретному рассмотрению проблемы закона в психологии.

V

Та точка зрения, которая видит в законе лишь регулярность в статистическом смысле, обнаруживает известное родство с так называемым функционализмом. Исходя из здорового стремления освободить понятие причины от всех мифологических напластований и понимать причину как чисто функциональную взаимосвязь, приходят к тому, что причинную зависимость двух процессов считают практически идентичной с любой “функциональной зависимостью” фактов.

В действительности функциональная зависимость нескольких фактов друг от друга может означать весьма различные вещи. Например, можно наблюдать, как автобусы 12-го и 14-го маршрутов проезжают мимо Берлинского замка, и решить, что всегда, когда 14-й автобус приходит с одной стороны, через некоторое время придет 12-й – с другой стороны. При этом регулярность такого порядка следования может полностью соответствовать всем статистическим требованиям, и если сформулировать это правило следования автобусов достаточно предусмотрительно, то при определенных обстоятельствах можно статистически добиться очень высоких вероятностей 1-го и 2-го порядков. И эта регулярность может наблюдаться даже тогда, когда обе автобусные линии принадлежат разным компаниям, т.е. когда оба события в принципе не имеют никаких общих причин.

В данном случае мы имеем чистый пример *регулярности*, которая основывается не на *причинной взаимосвязи*, а на зависимости, которую можно назвать *историко-географической*: внутри четко очерченной историко-географической области могут часто наблюдаться определенные взаимосвязанные события, причем с большой регулярностью может происходить одновременное наступление нескольких событий. Такого рода регулярности играют немаловажную роль, например, в экономике. Они очень важны для проблемы так называемых “исторических законов”, а также имеют важное значение в области естественных

⁸ См. Reichenbach, 1925.

⁹ См. Cassirer, 1910.

наук, например, в астрономии¹⁰ и в определенных разделах геологии. *Математическая форма*, в которой можно представить такого рода историко-географическую регулярность, может быть очень похожа на общеупотребительную форму представления закона. И действительно, такие "функциональные" зависимости, например, в экономической статистике при исследовании конъюнктуры, нередко используются в графической форме.

Однако это не должно скрыть от нас глубоких различий в понятийном содержании "правила" и "закона". В случае историко-географических регулярностей функциональная зависимость относится к тому, что в математике называется "членами множества". При этом речь может идти о множествах явлений или образований, круг которых каким-то образом определен исторически и географически – неважно, будет он большим или малым, идет ли речь о раннем английском капитализме, движении транспорта мимо Берлинского замка в 1926 г., или о переживаниях того или иного человека в промежутке между 20-м и 40-м годами его жизни.

Такие правила о сочетании явлений друг с другом в той или иной ограниченной историко-географической области тоже содержат *обобщение*, касающееся наблюдаемых событий. Однако в этом случае обобщение существует в форме правила и состоит в переносе наблюданной регулярности с нескольких "членов" определенного "множества" на всех "членов" данного "множества".

Множество отдельных образований, определяемое границами историко-географической области, можно исследовать путем изучения *каждого* индивидуального члена этого множества. На основе такого рода полной индукции впоследствии можно с уверенностью сказать, например, какие типы индивидуальных членов присутствуют в этом множестве, и каково их процентное соотношение.¹¹

Если же такое исследование *каждого* члена множества невозможно по принципиальным (например, если речь идет о бесконечном множестве), или техническим причинам, но исследователь, несмотря на это, все же хочет сформулировать "всеобщие" положения о всей совокупности членов данного множества, то обычно делается следующее: по критериям, задаваемым теорией вероятности, выбирается ряд индивидуальных членов множества и результаты исследования этого *ограниченного числа членов* "обобщаются" на всю *совокупность* членов соответствующего множества. Однако, такого рода обобщение всегда возможно лишь в форме *вероятностного суждения*. Если результаты такого исследования формулируются в виде всеобщего положения, то оно носит характер не строго "закона", но лишь более или менее вероятного "правила". Причем вероятность будет, как правило, тем выше, чем больше число исследованных объектов.¹²

Существуют и такие случаи, когда совокупность индивидуальных членов множества можно охарактеризовать с помо-

щью настоящего закона. Это получается тогда, когда множество подчиняется определенному "закону порождения", согласно которому получаются его элементы. Такого рода множествами занимается в основном математика. Однако аналогичные случаи встречаются и в эмпирических науках. Например, при определенных обстоятельствах к единому закону возникновения можно свести то, через какие промежутки времени будут падать капли из сосуда с водой, или то, психические процессы какого типа и в какой последовательности обнаруживаются при заучивании наизусть. Аналогичным образом можно действовать, когда происходящее понимается как "последовательность состояний", что временами до определенной степени допустимо. "Множество", которое состоит из последовательности этих состояний, иногда можно задать через один-единственный закон порождения. Во всех этих случаях все члены множества подпадают под один определенный тип явлений. Таким образом, вся совокупность членов множества является лишь выражением явлений одного определенного типа, так что ее следует описывать так же, как типы явлений, которые будут обсуждаться ниже.

В отличие от этого, вывод всеобщего закона на основе результатов эксперимента носит совершено другой характер. Сущностью закона вовсе не является высказывание об определенном "множестве" отдельных образований – множестве, состоящем из совокупности образований, принадлежащих к той или иной ограниченной "области". В противоположность этому, *закон есть высказывание об определенном типе*, обладающем тем или иным своеобразием.

Восхождение от результатов отдельного опыта к общезначимому закону соответствует восхождению от "примера" к "типу" – типу, сохраняющему свою инвариантность независимо от тех или иных историко-географических пространственно-временных условий. Это восхождение несопоставимо с переходом от нескольких членов множества ко всему множеству¹³, но состоит в переходе от "этого", здесь и теперь имеющегося "случая" к случаям "такого рода".

В отличие от "типа", "множество" и отдельные индивидуальные его "члены" находятся, по существу, на одном и том же уровне. И точно так же, как от отдельного конкретного образования, являющегося членом множества, можно подняться к типу "индивидуальное образование такого рода", от конкретного множества тоже можно подняться к типу "множество такого рода".

Ниже мы несколько подробнее остановимся на том, почему понятия "тип" и "закон" оказываются в столь тесной связи друг с другом и четко отличаются от понятийной пары "член–множество".

VI

Для полного определения типа, в том числе и *эмпирического*, частота, с которой этот тип "воплощается" в историческом процессе мирового развития, не имеет совершенно никакого значения. Например, для химического определения золота

¹⁰Например, нетрудно установить функциональную зависимость в рамках определенного отрезка времени между траекториями многих небесных тел, которые причинно никак между собой не связаны.

¹¹Таким образом, понятие типа играет существенную роль при характеристике членов какого-либо множества.

¹²Мы вынуждены здесь воздержаться от более детального обсуждения этой проблемы.

¹³С теоретико-познавательной точки зрения это останется справедливым даже в том случае, если "формально-логически" поставить вопрос о том, нельзя ли и тип определить как "множество" путем перехода к бесконечной области безграничного в пространстве и времени мира.

или кислорода безразлично, распространено ли это вещество географически "широко" и присутствует "во все времена", или же речь идет о чрезвычайно "редком" типе, возможно даже способном существовать лишь один-единственный раз и лишь на одной вполне определенной фазе развития мира. Частота, с которой реализуются в уникальном ходе мировых событий примеры того или иного определенного типа, остается лишь случайным моментом для характеристики типа, где существенно лишь его *своеобразие*, что с точки зрения систематики, т.е. для его характеристики в качестве типа, означает, что эта частота является лишь вопросом историко-географических "условий".

Таким образом, "тип" "золото" не идентичен совокупности имеющегося в мире золота. Игнорирование этого обстоятельства является основной причиной того, что тип нередко приравнивается ко множеству, состоящему из отдельных членов. *Эмпирический тип также не должен идентифицироваться с всеобщей совокупностью его представителей в историко-географическом мире.*

Обсуждаемое здесь понятие типа обнаруживает определенное сходство с "сущностью" в понимании феноменологической логики. Тип также характеризуется своим своеобразием, а не просто наличием бытием, и восхождение в эмпирических науках от индивидуального примера к типу (и, соответственно, от отдельного экспериментального результата к закону) обнаруживает определенные черты, родственные феноменологическому *εποχή* ("заключению в скобки" бытия). Несмотря на это, по отношению к понятиям эмпирических типов говорят о понятиях физики, психологии, политики, экономии, а не о логическом понятии в узком смысле слова.

Более подробнее обсуждение указанного различия было бы здесь неуместным. Отметим лишь два небольших момента, важных для характеристики именно понятия эмпирического типа.

Принадлежащие к основным положениям систематики всех эмпирических наук утверждения "такого рода образование существует", или "этого типа не существует", говорят не о "формально-логической мыслимости" или немыслимости определенного типа, но являются высказываниями об эмпирической "способности к существованию". (С другой стороны, эта способность к существованию ни в коей мере не тождественна актуальному наличию конкретных представителей данного типа. И точно также не является истинным допущение о том, что утверждение способности к существованию того или иного эмпирического типа в духе систематики какой-либо эмпирической науки идентично тезису о том, что в ходе исторического развития мира где-то и когда-то непременно был или будет в наличии по меньшей мере один случай конкретного существования принадлежащего к данному типу образования¹⁴.)

Как будет указано ниже, определение какого-либо эмпирического типа, особенно когда речь идет о кондиционально-генетическом типе вещей или явлений, может быть осуществлено не путем усмотрения сущности (и не через прямое восприятие), но через исследование динамически задающих эту вещь или явление факторов, которое возможно лишь путем реального изменения реальных ситуаций.

То, насколько резко и в эмпирических науках следует отличать утверждения о типе как таковом, например, о его родстве с другими типами

или его производности от них, от утверждений о его представителях в историко-географическом мире, причем даже и тогда, когда речь идет о всей совокупности этих представителей в целом, показывает, в частности, новейшее развитие биологии. (На отсутствии четкого различия такого рода основывался преодоленный в последнее время перекос дарвинистского тезиса о филогенезе "родов" живых существ, определяемых историко-географически, в вопросе о "систематическом родстве" типов¹⁵.) Представители искусствознания также начали, в частности, в контексте проблемы стилей, заниматься распутыванием совершенно аналогичных отождествлений (например, отделять понятие "барокко" в смысле "историко-географически ограниченной области объектов" от "барокко" в смысле "вневременного" типа стиля¹⁶). Аналогичные проблемы лежат в основе ряда трудностей экономической науки¹⁷.

VII

Для научного описания типа в принципе достаточно одного экземпляра. Для доказательства правильности описания какого-либо типа было бы бесполезным привлекать различных его представителей, ибо "такого рода тип" определяется исключительно "своеобразием" соответствующих образований. Поэтому высказывание "другой представитель того же самого типа обладает такими же свойствами" является тавтологией.

Несколько иначе обстоит дело в том случае, когда поднимается вопрос о том, всегда ли тип A обладает свойством *b*, или же бывают случаи, когда тип A не имеет того или иного свойства *b*. В этом случае под термином "тип A" реально имеется в виду не "однозначно определенный" тип ("конечный вид"¹⁸), но более общий класс типов, которым всем присущи определенные признаки A, и вопрос стоит о том, имеются ли внутри этого общего класса подтипы, обладающие признаками *a* и не обладающие признаками *b*. (При этом термин "имеется" является типичным понятием "систематического" рода, т.е. он относится к наличию типа или к отношениям типов между собой, а не к существованию их отдельных представителей. Кроме того, для ответа на этот вопрос нужен не поиск возможно большего числа представителей одного и того же типа, но лишь поиск представителей различных конкретных типов, причем опять-таки единственного представителя каждого конкретного типа вполне достаточно для ответа на вопрос. Ср. ниже.)

Здесь следует тщательно различать по меньшей мере три различных значения термина "общий" ("allgemein"):

1. "Общезначимость" ("Allgemeingültigkeit") положения, которая должна означать то же са-

¹⁵Характерно, что систематика, использующая понятие типа, называлась "идеалистической" морфологией, и речь шла о "вневременных" типах (Naff, 1919; Schaxel, 1922; Meyer, 1926) несмотря на то, что реально обсуждались, разумеется, не понятия феноменологической логики, а эмпирические типы.

¹⁶См. Frankl.

¹⁷См., в частности, спор по поводу понятия "капитализм".

¹⁸См. Husserl, 1913а.

¹⁴См. Lewin, 1920а

мое, что истинность или правильность. Такая всеобщность может относиться как к положениям, содержащим высказывания об отдельных индивидуальных образованиях, так и к высказываниям о типах.

2. «Всеобщность» (*Allgemeinheit*), относящаяся к «типу» в отличие от отдельного «индивидуального образования». Она выражается, например, в том, что типы химических образований (например, золото) не обладают никакими определенными историко-географическими пространственно-временными характеристиками, они являются всеобщими в этом смысле – в отличие от историко-географической привязанности отдельного индивидуального образования или множества таких образований.

3. «Общий» (*generell*). Среди типов можно различать «конечный вид» и «общие классы». У «конечного вида», несмотря на отсутствие историко-географических пространственно-временных характеристик, нет никаких неопределенных свойств. Проще всего его можно определить, если указать на определенный пример (допустим, на определенную кошку) и от этого примера подняться к типу «такого рода образования» (такого рода кошки). Такое восхождение к типу не содержит никакого обобщения. Напротив, основывающиеся на обобщении типы «более высокого порядка» (Husserl, 1913а), например, млекопитающие, всегда включают в себя целый круг «конкретных типов». Таким образом, типы той или иной степени общности являются типами с частично переменными свойствами¹⁹.

Не может быть никаких сомнений в праве делать общезначимые высказывания о каком-либо конкретном типе (имея в виду пункт 2) на основе одного-единственного здесь и теперь наличного индивидуального представителя этого типа.

Впрочем, в столь простой форме это верно лишь для чисто «описательных типов», т.е. тогда, когда при характеристике типа ограничиваются лишь доступными непосредственному восприятию – так называемыми феноменальными, – свойствами этого образования. Несколько менее прозрачной оказывается ситуация при обращении к свойствам, определяемым как «поведение образования в ответ на определенные воздействия» – т.е. к кондиционально-генетическим свойствам. Ибо образования, которые с кондиционально-генетической точки зрения относятся к одному и тому же типу, при различии общей ситуации или предыстории могут выступать в весьма различном феноменальном обличии. Химические вещества, которые в определенных ситуациях феноменально почти одинаковы, могут совер-

шенно по-разному реагировать на определенные воздействия и, наоборот, «генотипически» идентичные химические (а также биологические) образования могут в разных условиях выступать в «фенотипически» весьма отличающемся друг от друга виде. Не иначе обстоит дело и в случае психических образований²⁰.

Таким образом, для научного определения кондиционально-генетического типа недостаточно основываться на рассмотрении одного экземпляра в *одной-единственной ситуации*. Напротив, следует изучить целый спектр ситуаций и определить тот или иной кондиционально-генетический тип как такой тип Т, который в условиях А проявляется в виде фенотипа α , в условиях В – в виде фенотипа β и т.д. При этом на поверхностный взгляд могло бы показаться, что при определении кондиционально-генетического типа происходит отказ от принципа опоры на один-единственный экземпляр. И фактически именно здесь может лежать основной источник заблуждений по поводу необходимости «повторения» экспериментов. Однако в действительности и при научном описании такого рода кондиционально-генетического типа исследователь вовсе не переходит к пониманию типа как множества и к исследованию возможно большего числа членов этого множества для того, чтобы потом иметь возможность перенести результаты на остальные члены множества. Напротив, и здесь в принципе достаточно исследовать *единственный пример соответствующего кондиционально-генетического типа в каждой из принимаемых в расчет ситуаций*; отличие лишь в том, что здесь необходимо пройти через больший спектр ситуаций.

При определении кондиционально-генетического типа исследователь охотно стремится использовать в качестве примера, насколько это возможно, одного и того же индивидуального представителя типа. Однако не всегда оказывается возможным пройти с одним представителем типа через все необходимые ситуации – причем не всегда по техническим причинам, но временами и по содержательным. Ибо поведение типа в ситуации А может состоять в полностью или частично *необратимом* процессе, который будет создавать видоизмененную основу для реакций в следующих подлежащих исследованию ситуациях В, С и т.д. Особенно часто это происходит в случае с живыми существами и, прежде всего, в психологии. В этом случае на одном и том же образовании можно испробовать лишь относительно небольшую часть подлежащих исследованию ситуаций, что существенно усложняет выбор индивидуальных исследуемых образований, ибо необходима гарантия, что все выбранные для научного изучения представители данного типа действительно принадлежат к одному и тому же кондиционально-генетическому типу (один лишь внешний вид этих образований такой гарантии дать не может).

Окончание следует

¹⁹Однако, как подчеркивал Кассирер, в случае классов более высокого порядка неопределенные свойства не пропускаются, а делаются вариативными.

²⁰Примеры этого можно найти в Lewin, 1926а.